

Однажды старец-колдун предсказал юной Ярославне замужество, корону, смерть и новое рождение. Отвергнутая германским королем Генрихом III княжна обрезает косу, не боясь ни гнева отца, ни осуждения киевлян или послов французского короля Генриха I, за которого ее просватали. Ярославна достойно встречает свиту будущего мужа. Один лишь взгляд этой гордой и непокорной девушки пробудил в сердце графа Рауля де Валуа неведомые ему дотоле чувства. Но она — будущая королева Франции. Та, что должна подарить королю наследника. И пусть ей противен старый Генрих, государственные дела превыше чувств. Юная княжна должна отказаться от любви к графу. Но Рауль не хочет терять ту, ради которой готов сразиться с самим королем и восстать против целого мира...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5399-5

9 786171 253995

Святослав Воеводин

ИСКУШЕНИЕ
ЯРОСЛАВНЫ

Святослав Воеводин

ИСКУШЕНИЕ
ЯРОСЛАВНЫ

ИСКУШЕНИЕ
ЯРОСЛАВНЫ

Святослав Воеводин

ИСКУШЕНИЕ
ЯРОСЛАВНЫ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1.0
В63

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-5399-5

- © Майдуков С. Г., 2019
- © Depositphotos.com / lenanet, Demian, nejron, LeszekBo, гу-гухоx, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Часть первая

Анюта

1

Осень выдалась дождливая, хмурая. Днем солнца не видать, ночью — звезд. Серые тучи стелются низко, плывут по небу быстро; задерешь голову, и кажется, будто на перевернутый речной ледоход смотришь, да только настоящий еще не скоро будет — до весны ох как далече. Зима впереди суровая, долгая, постылая. Закует Славутич льдами, завалит пути-дороги сугробами, возьмет град Киев в снежную осаду.

— Эй, Лиза! Просыпайся! Тайну открою.

— Какую еще тайну?

Сонно моргая, Елизавета уставилась на младшую сестру, склонившуюся над кроватью.

Звали ее Анной. С детства белобрысая, в отрочестве она потемнела и избавилась от ненавистных конопушек. Мелкая, худенькая, но боевая и решимости не занимать. Своего привыкла добиваться любой ценой.

— Важную тайну, Лиза. Вставай, вставай же. Хватит спать!

— Рано еще. — Бросив взгляд на серое оконце, Елизавета зевнула. — Ступай к себе, Анюта, а я посплю еще.

— Нет, спать не надо, — возразила Анна. — Я по тебе соскучилась.

Все лето Елизавета провела у матери в Новгороде и вернулась оттуда совсем взрослой, да в придачу еще и невестой. Теперь, будучи девицей на выданье, она смотрела на Анну как на маленькую. Время игрищ и забав для Елизаветы кончилось. Начиналась другая жизнь, полная хлопот и забот. К тому же Елизавета была очень огорчена тем, как сильно и необратимо изменилась мать. Та была очень плоха и производила тягостное впечатление. Не стало горделивой, красивой княжны Ингигерды, которую помнили и любили три ее дочери. В Новгороде перед Елизаветой предстала дурно выглядевшая, слегка тронувшаяся умом старуха, то постившаяся неделями, то жадно объедавшаяся всем, что попадалось под руку. Прежнее имя сменила она на Ирину, называла себя великомученицей и собиралась постричься в монахини. Смертельно бледная, ко всем равнодушная, часто впадающая в сонное оцепенение, она будто заживо хоронила себя. Любое воспоминание об этом порождало тяжесть в груди, словно сердце свинцом наливалось.

Заставив себя улыбнуться, Елизавета погладила сестру по голове, украшенной венчиком косы.

— Ты все больше на матушку становишься похожа, Анна. И глаза с зеленью. Раньше вроде не замечала.

Сестра с размаху села на перину, попрыгала, словно проверяя ложе на прочность. Она всегда ерзала и крутилась, когда сидела и стояла. Егоза.

— У меня глаза кошачьи, — заявила Анна, шутливо вытаращившись. — Я, может, в кошку превращаюсь по ночам.

Елизавета, относившаяся к любому упоминанию нечистой силы с суеверной опаской, поспешила сме-

нить тему разговора. Поправляя разметавшиеся по подушкам огненные волосы, она напонила:

— Кто-то тайну обещал открыть.

Болтая ногами, Анна быстро покачала головой:

— Она не здесь, Лиза. К ней идти надо.

Елизавета опять зевнула. При этом она пыталась держать рот закрытым, но губы сами собой разлепились, издав потешной чмокающий звук. Сестры расхохотались, чувствуя, что прежняя близость, казалось, утраченная за лето, возвращается к ним.

— Хорошо, уговорила, — сказала Елизавета, отсмеявшись. — Соберусь и выйду. А ты сама поиграй пока.

— Я уж выросла, чтобы играть, — надулась Анна. — Пока тебя не было, мне четырнадцатый год пошел. Тебя догоняю.

— А вот и нет, сестренка. Время для всех одинаково идет. Для тебя год мінет, и для меня тоже. Ты растешь, я старею.

Заметив перемену в голосе сестры, Анна быстро взглянула на нее и, сунув руки под одеяло, воскликнула:

— Не дам тебе состариться, не дам!

С этими словами она принялась щекотать пятки сестры. Визжа и брыкаясь, та была вынуждена сесть и подобрать ноги под себя.

— Хватит, хватит, Анюта! — проговорила она с напускной строгостью. — Не выношу щекотки.

— Тогда вставай. — Анна прыгнула с кровати и нетерпеливо переступила с ноги на ногу. — Хватит спать, Лиза. Побежали к Золотым Воротам, покажу чего.

— Так дождь хлещет, — возразила Елизавета.

— Просвет в тучах близок, я сама видела, — поторапливала Анна. — Скоро солнышко проглянет, а мы дома сидим. Побежали!

— Княжеским дочкам бегать не полагается, тебе разве батюшка не говорил?

— А он на охоте. Не увидит.

— Ладно, уговорила. — Разбирая пальцами рыжие пряди волос, Елизавета протяжно зевнула и свесила ноги с кровати. — Иди Настю буди. Втроем гулять пойдем.

— Уже пробовала. — Анна насупилась. — Она на засов закрылась и охает.

— Как охает?

— А вот так. Ой!.. Ай!.. Ох, мамочки! — Передразнив Анастасию, Анна подозрительно уставилась на сестру. — Ты чего улыбаешься? Настя захворала или кручинится, а тебе смешно!

Елизавета прогнала улыбку с лица. Не объяснять же младшей сестренке, отчего взрослые девушки томятся и стонут в опочивальнях. Намедни из Угорщины приехал жених Анастасии, опальный герцог Андрош. Спать его, конечно, отдельно положили, однако же, пользуясь отсутствием князя, он мог запросто к Насте в покои пробраться. Если только охота не была затеяна нарочно, дабы подзадорить молодых. Ярослав на запад стремился, в тамошних властителях союзников искал, для них трех дочерей своих и растил. Одна только Анна пока жила как хотела, свободная и делами не обремененная. Елизавете даже завидно стало.

— Ступай во двор, — распорядилась она, выдвигая ногой горшок из-под кровати. — Я скоро.

— Попроще оденься, — наказала Анна, перед тем как покинуть почивальню. — Чтобы не выделяться.

Вместо ответа Елизавета бесцеремонно выставила ее за порог и захлопнула дверь.

Сборы заняли немало времени, потому что и причесаться нужно было, и слегка нарумяниться, и брови подвести. Зато когда Елизавета во двор спустилась, солнце уже светило вовсю, словно торопясь наверстать упущенное. Анна болтала с дворовыми девками, учившими ее разгадывать сны. Увидев сестру, она схватила ее за руку и потащила прочь от терема.

— Погоди, стрекоза! — упиралась та. — Разве никого с собой не возьмем? Самим боязно.

— Кого нам в Киеве страшиться? — отмахнулась Анна.

— Увидят, — бормотала Елизавета, не позволяя подвести себя к воротам. — Батюшка вернется, скажут ему, что мы без дядек по городу ходили.

— А мы вот так.

Подавая пример, Анна накинула на голову синий плат и поправила его, прикрывая лицо.

— Ох, не нравится мне это, — вздохнула Елизавета, но сделала то же самое и засемила за младшей сестрой за ворота.

Земля была сырая, но щедро пересыпанная речным песком и опилками и на подошвы не липла. Домá близ терема стояли богатые, нарядные, из дуба рубленные, крашеным тесом крытые, с петухами да цветами на наличниках. Встречный народ был одет и обут как на праздник: голытьбу и рвань на горю не пускали, заворачивали на нижних улицах, чтобы заразу какую не принесли и не смущали видом своим киевскую знать. Ежели хотел, скажем, пасечник бочки с медом на боярский двор поставить, то

приходилось ему чистую рубаху надевать, иначе поворачивай оглобли.

Чем ниже уходила улица, тем незатейливее были жилища, тем беднее люди, тем проще нравы. Тут тебе и сапожники пьяные, и горшечники задиристые, и старые ведьмы с вязанками хвороста на сгорбленных спинах, и детишки сопливые без портков, и бродяги, обвешанные котомками, и кафтаны латаные, и лапти стоптанные, и онучи заскорузлые, вонючие. Вон дружинники поволокли кого-то, костеря почем зря, вон волосатый мужик за бабой с вожжами гоняется, а на мосту через овраг воз с мукой перевернулся, и теперь каждый норовит утащить оттуда кто мешок, а кто и два. Покуда мельник за одним с кнутом гонится, другие безнаказанно воруют.

Пробегая через припудренный мукой мост, девушки увидели внизу бьющуюся в муках лошадь. Свалившись, она сломала ноги и теперь в ожидании смерти оглашала округу тоскливым ржанием. Елизавете это показалось дурной приметой.

— Давай воротимся, Анюта, — запричитала она. — Негоже тут одним ходить. А как обидят?

— Я сама кого хочешь обижу! — храбрилась младшая сестренка.

И действительно, вид у нее был такой решительный, что перед девушками расступались и киевляне, и жирные германские купцы, и степняки в лисьих колпаках, и пришлые варяги в кольчугах.

Уже вблизи от городских ворот, где царила обычная толчея, дочери князя Ярослава едва не столкнулись с ключницей, возвращавшейся с торжища в сопровождении двух дюжих парубков, нагруженных поклажей так, что оба едва ноги переставляли. Елиза-

вета опешила и уже рот открыла, чтобы начать оправдываться, но Анна резко дернула ее за рукав и увела на обочину, где, смешавшись с простым человеком, княжеские дочери переждали опасность.

— Уф, взмокла вся! — пожаловалась Елизавета, заправляя выбившиеся пряди волос под платок. — Не понимаю, как тебе удалось подбить меня на такое. Я ведь не собиралась идти с тобою.

— Ну, раз не нравится, то не ходи, — отрезала Анна. — Ворочайся обратно, я дальше сама пойду.

— Нет, что ты, что ты! — испугалась старшая сестра, представив себе, как будет пробираться домой в одиночку. — Давай лучше вместе. Что ты мне показать хотела?

— Хочешь туда подняться?

Анна кивнула на каменную башню с воротами высотой в четыре человеческих роста. Оббитые толстыми листами меди, отделанные бронзой, они сверкали так ослепительно, что казались целиком отлитыми из чистого золота. Всякий раз, когда под ними стучали конские копыта, колеса повозок или просто звучали голоса путников, тенистые своды отзывались гулким эхом. Красная башня над воротами была столь высокая, что каждому, кто хотел поглазеть на венчающий ее золоченый купол, приходилось задирать голову. У кого при этом шапка падала, а у кого нижняя челюсть отвисала, порождая шуточки окружающих: мол, закрой рот, дядя, не то ворона залетит. Ворон этих, кстати, сидело вокруг превеликое множество — и на могучих стенах из бревен в три обхвата, и на крутых земляных валах по обе стороны от ворот. Кое-где земля просела, обнажая остовы деревянных клетей, в которых сюда сносились, а кое-где успела зарости

травой и бурьяном по пояс. Дабы склоны сохраняли свою неприступность, сухой порой время от времени сжигали, и тогда в городе поднималась паника, потому что, увидев дым над воротами, люди думали, что враг к стенам подступил.

Золотой крест на куполе был виден отовсюду, кого побуждая накладывать на себя крестное знамение, а кого — плевать украдкой и бурчать под нос бессильные проклятия. Поздно было негодовать и злобствовать. Христос пришел сюда на многие века, укоренившись на киевской земле еще прочнее, чем у себя на родине.

Опомнившись, Елизавета быстро перекрестила лоб. Иконы с темными, будто обожженными, ликами святых, а всех пуще — сам чужеземный бог, внушали ей тайный трепет. Сколько ни поучали сестер чернецы, сколько ни читали им свои мудреные книги, а все равно новая вера ничего, кроме страха, не внушала. Бывая в возведенном отцом Софиевском храме, Елизавета старалась не смотреть на росписи с изображениями адского пекла. Черномазые черти, пытающие грешников каленым железом, поджаривающие их на сковородках и варящие в кипящих котлах, являлись потом во снах. Было даже страшно подумать о том, чтобы прогневать Христа и быть обреченной за то на муки вечные. Приходилось и креститься, и поститься, и лучины под образами жечь, но в глубине души Елизавете были куда милее прежние боги, о которых так душевно рассказывали и пели няньки с мамками.

— Хочешь или нет? — поторопила Анна сестру с ответом.

— А? Что?

Елизавета вздрогнула и завертела головой, не вполне понимая, где и почему она находится.

— Опять спишь на ходу, — упрекнула ее Анна. — Чудная ты у нас. Мечтательница.

Тон у нее был, как у взрослой. Задетая этим, Елизавета сдвинула черные брови.

— Ну? Что у тебя за тайна? Зачем на башню зовешь? Разве не знаешь, что туда никого, кроме звонарей и дозорных, не пускают?

— Я потайной ход знаю, — шепнула Анна. — Пойдем-ка.

— Для чего этот ход сделали? И кто? Может, лазутчики какие?

— Не выдумывай, Лизавета. Я думаю, зодчие о ходе этом забыли совсем. А я нашла, я глазастая.

— Хвастай больше, Анютка!

— Я не хвастаю, я правду говорю, — отрезала Анна.

Показывая дорогу, она завела сестру за пристройку привратников, продралась первой сквозь бурьян и кусты шиповника и остановилась перед черным квадратным лазом в кирпичной кладке.

— Сюда разве что собака протиснется, — с сомнением проговорила Елизавета.

— Я уже лазила, — успокоила ее Анна. — Дальше шире будет.

— А ежели там лихие люди скрываются?

Елизавета попятилась.

— Не бойся. Я первая пойду. Глянь-ка, что у меня есть!

Пошарив в траве, Анна с гордостью показала короткий византийский меч с рукоятью в виде дракона.

— А это откуда?

— Привратник браги упился, присел в лопухах, да и забылся. Я подкралась и клинок утянула.

— Ему влетит, чай.

— И пусть, — топнула ногой Анна. — Его охранять Киев поставили, а не в кустах дрыхнуть. Теперь же сто раз подумает, прежде чем пьянствовать.

— А если бы он проснулся? — ужаснулась Елизавета. — Пьяный ведь был, не соображал, что делает. Прибить мог.

— Не-а. Меня попробуй догони!

— Вот что, Анна. Или поклянись, что больше не выйдешь из детинца одна, или я все батюшке расскажу!

По завершении фразы Елизавета погрозила пальцем, в точности переняв жест строгих матерей, отчитывающих неразумных чад.

Анне это не понравилось.

— Попробуй только! — с угрозой произнесла. — Я тогда с тобой до конца жизни не замирюсь! Вот увидишь! Словечком не обмолвлюсь до конца дней моих.

В сбившемся платке, с покрасневшими щеками и мечом в руке она смотрелась одновременно смешно и трогательно. Не удержавшись от улыбки, Елизавета обняла младшую сестренку за острые плечики и примирительно произнесла:

— Успокойся, Аня. Это я просто так сказала, чтобы тебя вразумить. Не пойду жаловаться к батюшке. Но ты все равно пообещай, что больше одна из детинца не будешь убежать.

— А мы вместе! — Анна обхватила Елизавету за талию, прижавшись к ней всем своим худеньким телом. — Всегда вдвоем станем гулять, как раньше, правда?

Ответом была улыбка, полная нескрываемой печали:

— Недолго нам вместе гулять, сестричка. По первому снегу повезут меня на север, и стану я там женою конунга.

— Конунг? Кто таков?

— Так сканды своих князей прозывают, — объяснила Елизавета.

— Что же ты не радуешься, что замуж выходишь? Обычно девицы прямо светятся все, когда до свадьбы дело доходит...

— Светятся? А знаешь, как моего будущего мужа зовут? Гарольд Суровый, вот. Я же его не видела никогда, только на портрете махоньком... — Елизавета развела пальцы, показывая. — Нос крючком и глаза злые. А как невзлюбит? Обратно уже не вырвешься...

— Нос крючком — значит, норов у него орлиный, — принялась утешать сестру Анна. — А глаза, их ведь художник нарисовал, мало ли почему так вышло.

— Почему же его Суровым кличут?

— Так то враги прозвали. Он им спуску, видать, не дает, вот для них он и суровый. А для тебя, Лизонька, сахарным будет.

— Твои бы слова да Богу в уши...

Бездумно произнеся привычную фразу, Елизавета поколебалась немного и наложила на себя крестное знамение. Она уже начала привыкать, что так надо, а сомнения старалась гнать прочь, как назойливых мух.

Анна осмотрелась по сторонам, убедилась, что никто за ними не наблюдает, задрала подол и подвязала, чтобы было легче пролезть в дыру. Елизавете пришлось последовать ее примеру, хотя было стыдно

и неловко. Едва очутившись в сыром полумраке, она хотела опустить юбку, но сестра ее остановила:

— Не спеши. Сперва придется на карачках пробираться.

— Вот еще! — фыркнула Елизавета. — Знала бы, ни в жизнь с тобой бы не пошла.

— А я потому и не сказывала раньше, — Анна звонко расхохоталась и сама прикрикнула на себя: — Цыц! А то услышат.

— Кто услышит? Кто?

— Да мало ли...

Передвигаясь то на корточках, по-утиному, то становясь по-собачьи на четвереньки, сестры преодолели самый трудный отрезок пути и выбрались из тесной норы к подножию лестницы, ведущей на башню. Наружная дверь была заперта наглухо, но дневного света, проникавшего сверху и сквозь щели в ставнях, было вполне достаточно, чтобы видеть все отчетливо. В желтых полосах лучей кружились золотые пылинки.

— Красиво! — выдохнула Анна.

Елизавета поправила одежду и принялась отряхиваться, бурча себе под нос:

— Тоже мне красота! И чего мне дома не сиделось? Теперь новую юбку изгваздала и коленки ободрала, как маленькая.

— Ты самая лучшая сестра на свете! — полезла с объятиями Анна.

— Не подлизывайся, не подлизывайся! Я тебе еще эту прогулку припомню.

— Не сердись, сестренка. Я ведь тоже для тебя что угодно сделаю, только скажи.

Елизавета испытующе прищурилась:

— И за Гарольда Сурового пойдешь вместо меня?

— Ой, что ты, что ты! — Анна замахала руками так быстро, что они стали похожи на крылья мельницы на сильном ветру. — Мне еще рано.

— А кто себя взрослой называл? — поддела Елизавета.

— Так не во всем же. Замуж мне рано, — Анна перешла на шепот. — Я и не хочу вовсе. Я лучше из дому сбегу, чем под венец пойду.

— Не пойдешь. Побежишь, как приспичит.

— А вот не приспичит!

Елизавета вздохнула:

— Я тоже так думала, когда мне было столько же, как тебе сейчас. Ладно, не будем об этом. Давай уже наверх подниматься. Иначе ведь не уйдешь?

— Ни за что! — торжественно заявила Анна и, держа меч наготове, ступила на лестницу первой.

Ступени были такие высокие, что девушкам снова пришлось задрать юбки. В таинственном полумраке их кожа казалась очень бледной и светящейся. Иногда Анна задевала клинком камни, и те отзывались звонким лязгом, вспугивая птиц в нишах и закутках. К тому времени, когда сестры преодолели половину пути, внутри башни летало несколько потревоженных голубей и один подслеповатый ворон размером с пехота. Отшатнувшись от его крыльев, Елизавета опасно покачнулась на узкой лестнице, прилепившейся к стене. Анна тотчас очутилась рядом, замахнулась на ворона мечом:

— Кыш, проклятый!

Словно сообразив, что с этой девчонкой шутки плохи, черная птица протиснулась в бойницу и, теряя перья, была такова. Голуби тоже разлетелись. В мрачном, холодном колодце не осталось никого,

кроме двух девушек, упрямо карабкающихся вверх. Обе молча сопели. Похоже, даже отчаянной Анне было не по себе, пока они не выбрались на вымощенную каменными плитами площадку.

Несмотря на яркое солнце, здесь было прохладно из-за порывов ветра, долетающих от Славутича. Дубравы и березовые рощи вокруг Киева успели порыжеть и побуреть и казались ржавыми на фоне соснового леса, протянувшегося вдоль берега. Пейзаж дополняли белоснежные песчаные косы и черные пашни внизу.

— Зима скоро, — прошептала Елизавета, не замечив, как прижала ладони к груди. — Так не хочется уезжать.

— А давай мы тебя спрячем, — предложила Анна. — Как будто ты потерялась. Отсидишься, пока Гарольд другую девицу сосватает. Я тебе буду еду носить, нитки для рукоделия, книги романские...

— Я и читать-то не умею.

— Зато я выучилась. Языки разные, а буквы одинаковые. Чудно. Все хочу свои выдумать, чтобы никто, кроме меня, не понимал.

— Эх, сестренка, сестренка! Какая же ты у меня...

Елизавета поспешно прикусила язык. Анне вряд ли понравилось бы, если бы ее назвали маленькой.

— Какая? — подозрительно спросила она.

— Хорошая, — нашлась старшая сестра. — Прилежная, умная, добрая.

— Все не так, — призналась Анна со вздохом. — Я лентяйничать люблю, и молитвослов никак не запомню, и серчаю часто.

— Еще и честная, — улыбнулась Елизавета. — Трудно тебе придется, сестренка.

— Почему? — удивилась Анна, подняв брови и вытянувшись в струнку в ожидании ответа.

«Потому что обломают тебя, как куст сиреневый, — подумала Елизавета. — Мужам подавай жен покорных и тихих, чтобы дома сидели, деток рожали и в дела государственные не лезли. Уж сколько матушка отцу противилась, так под конец и она не выдержала, сдалась и сбежала. Неужто и с тобой, Анюта, то же самое случится?»

— Жизнь трудная, вот почему, — увильнула Елизавета от прямого ответа.

— Нет, Лиза, жизнь легкая и радостная, — сказала ей Анна с уверенностью, необычной для ее юного возраста. — Это как путь в дальние края. Если правильно идешь, то не собьешься и в конце куда надо попадешь.

— Вот и не сбивайся. — Елизавета крепко обняла сестру. — Светлая ты. Грустно мне будет без тебя.

— И мне, — прошептала Анна. — Настя уедет, потом ты. Братья домой не навещают, я уж и забыла, какие они.

— Вы с Вячеславом почти одногодки, — напомнила Елизавета.

— Да он все время возле бабушки крутится. Вот и на охоту вместе отправились. Меня, небось, не позвали.

— Мужчины, — вздохнула сестра.

И этим было все сказано.

Не сговариваясь, девушки приблизились к ограде, чтобы было сподручней вдаль смотреть. Даль завораживала, манила. Темные тени облаков беззвучно бежали по ярким полям и лугам.

— Хотела бы я летать уметь, — сказала Анна.

— Я тоже! — обрадовалась Елизавета. — Мне даже снится иногда.

— Правда? Мне тоже.

— Будто я бегу-бегу...

— А потом отталкиваюсь от земли...

Некоторое время сестры говорили, перебивая друг друга, торопясь передать свои ощущения от полетов во снах. Потом Анна рассказала, как однажды лунной ночью видела в окошко летающую на помеле ведьму.

— Да ну тебя! — отмахнулась Елизавета. — Это ты меня просто напугать хочешь.

— Зачем мне тебя пугать? Я просто рассказываю, что было. Я проснулась, оттого что ноги замерзли. На дворе жара, по ночам душно, как в бане, а ноги просто ледяные. И вообще в светлице холодно. Ядохнула — пар пошел.

— Летом?

— В том-то все и дело, — кивнула Анна. — Летом. Я встала, чтобы окно затворить. Подхожу, а за окном она — в воздухе висит, слегка покачивается.

— Ведьма? — выдохнула Елизавета.

— Она самая. Увидела меня — и ф-фух! — Анна повела рукой. — Так и полетела, так и полетела. И все оглядывалась, пока не пропала из виду. Слово запомнить меня хотела.

— Зачем?

— А я почему знаю? Вообще-то, это давно было. Еще когда матушка не по монастырям ездила, а с нами сидела.

— Она не вернется уже, — глухо произнесла Елизавета.

Если до этого страх, вызываемый ею, носил недоверчивый, в чем-то напускной характер, то теперь

она была совершенно искренней в своей печали. Анна тоже помрачнела. Они так и стояли бы молча, глядя вдаль и переживая разлуку с матерью, каждая по-своему, если бы не появление большого отряда на пригорке. Всадники скакали прямо через поля и огороды, спеша в сторону дороги, ведущей к Золотым Воротам.

Впереди на рыжем тонконогом жеребце ехал князь Ярослав Владимирович в красной шапке с меховой опушкой. Плащ на нем тоже был красный — отброшенный за спину, он развевался на ветру. Его сопровождали не меньше двух десятков всадников, среди которых угадывалась мальчишеская фигурка.

— Вячеслав, — определила Анна. — Совсем как взрослый едет.

Пыль, поднятая конскими копытами на пашне, стелилась по земле, подобно дыму от степного пожара. Отряд приближался очень быстро, отставали лишь телеги с охотничьей добычей, которые еще только-только показались из леса.

Подскакав к краю поля, Ярослав заставил коня прыгнуть через межу. Остальные попытались повторить его маневр, но очень скоро жерди были снесены, так что надобность в опасных прыжках отпала.

— Бежим! — выкрикнула Елизавета. — Нужно домы успеть раньше отца. Ох и осерчает он, ежели прознает, где мы были!

С этим спорить Анна не стала. Кому-кому, а ей было известно, как страшен отец во гневе. Глаза превращаются в две щелочки, узкие ноздри раздуваются, длинные усы топорщатся, как у дикого камышового кота. Голос вкрадчивый, чуть гнусавый от сдерживаемых чувств. «Так, значит, Анна? Опять

меня ослушалась? Ну-ка, придумай себе наказание сама, а если оно недостаточным окажется, то я тебе сразу три назначу».

— Бежим, — согласилась Анна, и с этой минуты окружающий мир как бы стерся и смазался, утратив четкие образы.

Почти не касаясь ступеней, девушки сбежали вниз, нырнули в лаз двумя мышками и выскочили с другой стороны. Пospешно продираясь сквозь кусты, обе изорвали одежду, но сейчас не до того было. Когда они добрались до базарных рядов, князь со свитой как раз проезжал мимо. Заезавшихся беззлобно охаживали плетью и теснили конями. Совсем немного времени прошло, и вот уже отряд скрылся в детинце, оставив после себя суматоху и побитые горшки.

Изнемогая от усталости, сестры пробежали мимо, а перед входом в княжеское подворье перешли на шаг, чтобы отдышаться и привести себя в порядок. Войдя в ворота, они увидели, что отец еще не покинул двор, а беседует с боярами и охотниками в ожидании отставших повозок, чтобы похвастаться добычей. Сестры затесались в толпу, надеясь не выдать себя раскрасневшимися лицами и изодранными юбками. Но отец лишь посмотрел на них бегло, когда они приблизились, чтобы поздороваться, и продолжил прерванный рассказ о том, как убил оленя одной стрелой со ста шагов.

— Пойдем отсюда, Лиза, — позвала Анна шепотом. — Не люблю на мертвых зверей смотреть. У них глаза еще долго живые...

Девушки успели дойти до красного крыльца, когда их остановил властный отцовский оклик:

— Лиза! Стой!

— Что, батюшка? — пролепетала обмершая Елизавета.

— Собирайся в путь-дорогу, — распорядился отец. — Послезавтра выезжаете.

— Ку... куда?

— Кукуда! — передразнил князь, наслаждаясь дружным хохотом свиты. — Замуж выходить, вот куда.

— Так до морозов еще далеко, батюшка...

— Некогда зимы ждать. Мне со скандами поскорее задружиться надобно. Если дороги развезет, переждете и дальше двинетесь. Даст бог, зима ранняя будет. Через месяц-другой свадьбу сыграете, а следующей осенью уже первенца родишь. Ну? Чего не радуешься, не благодаришь отца?

— Спасибо, батюшка.

Кланяясь, Елизавета постаралась нагнуться как можно ниже, а потом быстро отвернулась, чтобы не показать слезы, повисшие на дрожащих ресницах. Странное дело, но у Анны тоже глаза были на мокром месте, хотя это не ее выдавали за Гарольда Сурового.

Сестры уединились и долго плакали, обнявшись. Анна все искала слова утешения и не находила. Сказать разве, что однажды и ее тоже отдадут за нелюбимого? Но станет ли Елизавете от этого легче?

— Не плачь, Лиза, не плачь, — вот и все, что повторяла Анна снова и снова.

А сама при этом глотала горячие слезы.

2

Княгиня Ингигерда покинула этот мир в конце зимы, а весть дошла до Киева не раньше, чем отступили разливы вешних вод, дороги высохли и снесенные мосты навели снова.

Гонец спрыгнул со взмыленного коня и поспешил во дворец просить встречи с великим князем Ярославом Мудрым. Узнав от дворни об этом, Анна села перед дверью тронной палаты и стала ждать, когда позовут и скажут страшное. Предчувствие ее не обмануло.

Когда отец кликнул ее с Вячеславом и объявил о кончине матери, она не заплакала. Княгиня Ингигерда давно покинула Киев и близких. Надо полагать, новгородские монахини были ей милее родных дочерей. Когда гонец отдал Анне свиток с прощальным письмом княгини, она поначалу хотела его сжечь, не читая. Великая обида жила в ее душе все эти годы. Матушка предала ее, оставив на попечение отца, который за государственными делами и думать забыл о существовании младшей дочери. Анна чувствовала себя забытой, брошенной на произвол судьбы. Такие вещи не прощаются.

Запершись в своей светелке, Анна несколько раз подносила свиток к светильнику, но так и не решилась коснуться пламени. Она по-прежнему не плакала, но глаза застилал влажный туман, сквозь который буквы

проступали смутно, не желая складываться в слова. Пришлось подышать глубоко, чтобы успокоиться. Потом Анна вновь развернула свиток перед собой.

Написано было по-романски, сбивчиво и криво. В письме Ингигерда называла себя великой грешницей и просила дочь не держать на нее зла. Мол, не по собственной воле она остаток дней своих в Новгороде провела, а чья на то воля была, пусть Анна сама догадается. Было еще что-то о Христе, о православной вере и жизни вечной. Да только это было писано женщиной, упокоившейся в сырой земле. Много ей Бог помог? И с какой стати заботиться ему об осиротевшей дочери той, которая подписалась как «мать Ирина»?

Стиснув зубы, Анна сунула свиток в огонь и держала над лоханью с водой, пока черные хлопья не обожгли пальцы. А потом разревелась, как маленькая. Совсем одна она на свете осталась. Пока матушка жива была, можно было еще надеяться, что однажды они встретятся, обнимутся и все будет, как прежде. Теперь не стало обмана для утешения. Как жить дальше? Для чего? Что хорошего впереди?

Даже подруг у Анны не было, потому что все ровесницы деток вынашивали или растили, а ей, пятнадцатилетней, водиться с младшими казалось зазорным. Одно время повадилась она играть с дворовыми огольцами, однако отец строго отчитал ее и предупредил, что если такое повторится еще хотя бы раз, то Анна отправится в монастырь и проведет там столько времени, сколько понадобится для того, чтобы научиться блюсти себя должным образом.

Приходилось либо сидеть дома, листая толстые скучные книги, либо вышивать шелковые полотна, либо чинно прогуливаться вокруг терема под надзором

двух вооруженных гридней. Поэтому Анна искренне обрадовалась, когда к ней стал все чаще наведываться младший братишка. Это случилось вскоре после смерти матери, когда обоим стало не хватать родственного тепла и близости.

Доверившись Анне, Вячеслав рассказал, что отец прогневался на него за то, что он якобы струсил на охоте.

— Просто рука дрогнула, — оправдывался он, шмыгая носом. — Вепрь здоровенный, как гора, а из чащи совсем неслышно выкатился. Вот я промахнулся. На моем месте любой мог бы.

— Конечно, — заверила брата Анна.

— Разве я трус?

— Нет, что ты! Ты очень смелый, Слава. И ты княжеского рода.

— Когда мы возвращались, — пробурчал Вячеслав, — отец сказал, что, мол, все сыновья как сыновья, а младший... И рукой так махнул, будто слов подходящих нет. И даже не взглянул ни разу. Только зубы сжал и бровями двигает.

— С ним бывает, — стала успокаивать брата Анна. — Если разозлится, то надолго. Но потом все равно отходит.

— Не хочу потом, хочу сейчас! Пусть знает, что я, как и он, смелый. Ничего, я ему докажу.

— Как?

— Есть у меня задумка одна, — таинственно проговорил Вячеслав. — Поедешь со мной завтра гулять?

— За стены? — догадалась Анна. — Мне нельзя.

— Со мной можно, — важно заверил ее брат. — Отец разрешение дал и назад не забрал.

— Он тебе разрешил, а не мне.

— Ничего. Оденешься в мое, никто не узнает. Будешь отроком. Товарищем моим. Согласна?

Сердце Анны забилось быстрее. Она любила риск, любила запретные плоды и приключения. Иногда княжне казалось, что ей следовало родиться не девицей, а парнем. И сейчас, вместо того чтобы ждать, когда ее выдадут замуж, она скакала бы на лихом коне во главе дружины и рубила бы мечом вражьи головы, как кочаны капусты.

— Согласна, — кивнула она. — Когда?

— Да хоть завтра, — решил Вячеслав. — Утром отец в Берестье выезжает. У него там встреча с королем Поландии назначена. Казимир опять помощи просит в войне с мазовшанами.

— И откуда ты только знаешь все? — восхитилась Анна. — Разве отец на советах тебя рядом садит?

— Нет пока, — признался брат со вздохом. — Но я и сам не лыком шит. Если поднять дубовые плитки над тронем в приемной палате...

Он бросил испытующий взгляд на сестру и прикусил губу. Видя его досаду, Анна решила не придавать этим словам значения.

— Значит, завтра? — уточнила она.

— Да, — кивнул Вячеслав, незаметно переведя дух. — Я за тобой приду, жди.

Он сдержал слово. Явился к Анне злой, обиженный, бросил к ее ногам узел с одеждой и сказал:

— Из города выедешь так, а там переоденешься.

Пока Анна придирчиво разглядывала вещи и подносила к носу, проверяя, чистые ли, Вячеслав пожаловался:

— Батюшка даже не обнял меня на прощание. Я нарочно во двор вышел, а он кивнул только, как чужому.

Было ясно, что все его мысли о разладе, который он тяжело переживает. А еще Анне было ясно, что прости отец Вячеслава, погладь его по голове поощрительно, и тот мог бы не явиться сегодня. Он ведь сошелся с Анной не из любви, и даже не от скуки. Она была нужна ему для маленькой мести. Он знал, как пренебрежительно относится отец к младшей дочери, и хотел насолить ему. Мол, ты меня к себе не подпускаешь, тогда буду с сестрой водиться.

Было немного досадно, но настоящей обиды на Вячеслава она не держала. При всех своих недостатках он был ее братом. Как можно не любить его?

— Довольна обновлениями? — подмигнув, спросил он. — Тогда пойдем. И так времени много потеряли.

Анна уже сделала шаг к двери, когда схватилась за голову. Ей, как незамужней девице, позволялось ходить на людях простоволосой, но, выдавая себя за отрока, она не могла отправиться в путь с заплетенной до пояса косой.

— Шапка нужна, — сказала она, поспешно сооружая на макушке замысловатый венец. — Неси шапку, Слава.

Брат ненадолго исчез и вернулся с плетеным колпаком, позаимствованным у кого-то из слуг. Сам он нахлобучил на голову мурмолку, напоминающую формой горшок.

— Айда! — нетерпеливо позвал он. — Я наказал, чтобы коней оседлали. На Ласточке поедешь.

— Я хочу на Снежке, — закапризничала Анна.

— В другой раз, — отрезал Вячеслав. — Сегодня по-моему будет.

— Почему по-твоему?

— Потому что я главный.

Анна хотела было поспорить, да не стала. Ей уже не терпелось очутиться на свободе, где так много простора вокруг и всего неизведанного. Проснувшаяся после зимней спячки природа ожила и занялась пышным цветом, но жара еще не началась, зелень была сочная, свежая, душистая, а чистый, как родниковая вода, воздух пьянил и кружил голову.

Вячеслав ехал на горячем отцовском жеребце, прозванном Огоньком. Под Анной шла мерной рысью белолобая Ласточка, резвая, но послушная. Сидеть приходилось боком, поэтому при виде первого же яра за воротами Анна направила кобылицу туда.

— Подержи, — попросила она, передавая брату поводья. — И отвернись.

Вячеслав подчинился. Убедившись, что наверху никого нет, Анна решительно сбросила красный сарафан и стала стаскивать с себя белую рубашку. Высвободив голову, она увидела, что Вячеслав с ухмылкой смотрит на нее. Недолго думая, Анна стегнула его холстиной. Охнув, он схватился за лицо, видимо получив по глазу серебряной пуговицей. Жалости к нему Анна не почувствовала.

— Не охальничай! — предупредила она.

Вместо того чтобы дать сдачи или начать ругаться, Вячеслав хихикнул:

— Вона! У тебя уже и сиськи выросли! Хе-хе-хе!

Никогда еще Анна не слышала такого гадкого, такого глупого смеха. Она вдруг поняла, что почти каждый мужчина, оказавшийся на месте брата, повел бы себя точно так же. А еще она поняла, что ее избранник будет другим. От этой мысли гнев ее прошел, она успокоилась.

— Стыдно тебе должно быть, Слава, — сказала она, натягивая на себя его рубаху с вышивкой на груди. — Я сестра твоя.

— От тебя не убудет, — пробурчал Вячеслав, но отвернулся.

К удовольствию Анны, его рубаха оказалась достаточно длинной, чтобы прикрыть срам. Подпоясавшись витым шнуром и сунув ноги в чоботы с высокими каблуками под стремяна, она тронула брата за плечо:

— Я готова.

Взглянув на нее, он опять засмеялся, но уже обычным, мальчишеским смехом:

— А портки? Забыла? Так и поскачешь голоногая?

Смутившись, Анна исправила оплошность, завязала свою одежду в узел и ловко вскочила в седло. Теперь ехать можно было по-мужски, что она с удовольствием и сделала. Вячеслав посмотрел на нее оценивающе и непонятно усмехнулся:

— А если вскачь?

— Сейчас, только стремяна подтяну, — откликнулась Анна.

— Я вообще могу без седла, — похвастался брат. Это был вызов. Как его не принять?

— Сейчас посмотрим, кто кого! — воскликнула Анна.

Подбодрив Ласточку лихим посвистом, она крепче обхватила ногами круглые лошадиные бока и вырвалась вперед. Приподниматься и опускаться в седле без стремян оказалось невозможно, и, проскакав пару десятков сажений, Анна отбила зад и промежуток так, что была вынуждена натянуть поводья. Вячеслав с торжествующим гиканьем умчался далеко вперед, развернулся в облаке пыли и возвратился.

Содержание

<i>Часть первая. Анюта</i>	5
<i>Часть вторая. Анна</i>	85
<i>Часть третья. Ярославна</i>	161
<i>Часть четвертая. Агнесса</i>	245

Літературно-художнє видання

ВОЄВОДИН Святослав
Спокуса Ярославни

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Т. О. Небесна*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 18.12.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newtop». Ум. друк. арк. 15,12. Наклад 6500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ВОЕВОДИН Святослав
Искушение Ярославны

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Т. А. Небесная*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Підписано в печать 18.12.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Newtop». Усл. печ. л. 15,12. Тираж 6500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-код

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Колись старець-чаклун прорік юній Ярославні заміжжя, корону, смерть і нове народження. Відкинута німецьким королем Генріхом III князівна обрізала косу, не боячись гніву батька, не переймаючись ні тим, що скаже київський люд, ані візитом послів французького короля Генріха I, за якого її засватали. Ярославна гідно зустріла почет майбутнього чоловіка. Єдиний погляд цієї гордовитої й непокірної дівчини пробудив у серці графа Рауля де Валуа незнані доти почуття. Та вона — майбутня королева Франції, що має подарувати королю спадкоємця. І нехай їй осоружний старий Генріх, державні справи важливіші від почуттів. Юна князівна повинна відмовитися від любові до графа. Але Рауль не хоче втрачати ту, заради якої готовий битися навіть із самим королем і повстати проти цілого світу...

Воеводин С.

В63 **Искушение Ярославны** : роман / Святослав Воеводин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 288 с.

ISBN 978-617-12-5399-5

Когда-то старець-колдун предсказал юной Ярославне замужество, корону, смерть и новое рождение. Отвергнутая германским королем Генрихом III княжна обрезае косу, не боясь ни гнева отца, ни осуждения киевлян или послов французского короля Генриха I, за которого ее просватали. Ярославна достойно встречает свиту будущего мужа. Один лишь взгляд этой гордой и непокорной девушки пробудил в сердце графа Рауля де Валуа неведомые ему дотоле чувства. Но она — будущая королева Франции. Та, что должна подарить королю наследника. И пусть ей противен старый Генрих, государственные дела превыше чувств. Юная княжна должна отказаться от любви к графу. Но Рауль не хочет терять ту, ради которой готов сразиться с самим королем и восстать против целого мира...

УДК 821.161.1.0

После гибели любимого мужа, князя Игоря, Ольга желала одного — мести древлянам. Жажда расплаты и крови поглотила ее. Княгиня и не догадывалась, как сильно полюбил ее верный воин Ясмуд. Он почти заменил отца маленькому Святославу. Шли годы, княжич возмужал, прослыл могучим и беспощадным воином. Тем временем император Константинополя именовал Ольгу правительницей Руси. Да только Святославу, жаждущему власти, не по душе такое покровительство. Он хочет править единолично, избавившись от Ольги. Но на пути у княжича встанет верный Ясмуд...